

А. П. СОКОЛОВ

БЕЗОПАСНОСТЬ ГЕРМАНИИ И ВОЕННОЕ ПРИСУТСТВИЕ США В ФРГ: «КОМФОРТНАЯ» ОККУПАЦИЯ ИЛИ СОЮЗНИЧЕСКАЯ СОЛИДАРНОСТЬ?*

Артем Павлович Соколов, канд. ист. наук, науч. сотр.
Центра европейских исследований Института международных исследований
МГИМО МИД России; науч. сотр. Лаборатории анализа международных процессов
МГИМО МИД России.
E-mail: asokolov@foreignpolicy.ru

Аннотация. Статья посвящена американскому военному присутствию в Германии и его влиянию на внешнеполитическую стратегию руководства ФРГ в вопросе обеспечения безопасности Германии. Размещение армии США на территории ряда немецких земель остается значимым фактором германской внешней политики с момента основания ФРГ в 1949 г. Правительство первого канцлера ФРГ Конрада Аденауэра стремилось к форсированной интеграции в западную систему союзов, считая американские гарантии безопасности важным условием евроатлантической солидарности. После объединения Германии в 1990 г. правительство ФРГ расширяло свою внешнеполитическую активность с опорой на многосторонний подход. Кризисные явления в западном сообществе, обострившиеся из-за действий администрации президента Д. Трампа, вызвали у немецких элит опасения относительно надежности и предсказуемости заокеанского союзника. Несмотря на декларативные заявления официальных лиц ФРГ о намерении усилить оборонный потенциал ЕС, германские политики испытывают затруднения в поиске альтернатив гарантий безопасности со стороны США.

Ключевые слова: ФРГ, США, НАТО, безопасность, бундесвер.

Внешняя политика ФРГ после 1945 г. формировалась под определяющим влиянием внешних факторов, являвшихся следствием поражения Германии во Второй мировой войне. Одним из наиболее значимых являлось присутствие на территории страны военного контингента стран антигитлеровской коалиции, прежде всего армий США и СССР. Развитие биполярного противостояния между Вашингтоном и Москвой превращало территорию Германии в пространство интенсивного противодействия.

Ослабленная после военного поражения Германия не могла претендовать на самостоятельную внешнюю политику даже после обретения государственности в 1949 г. Вместе с тем специфика географического положения и логика нарастающей «холодной войны» превращали Западную Германию и Восточную Германию в стратегически важные государства формирующихся военно-политических блоков, НАТО и ОВД. Руководство ФРГ в лице первого канцлера Конрада Аденауэра предпочло пожертвовать перспективой германского единства в пользу форсированной интеграции в западные структуры безопасности. Результат оказался взаимовыгодным – Европа и США могли рассчитывать на германский экономический потенциал и безопасность внешнеполитической активности немецкого руководства, ФРГ получала международное признание и относительное равноправие при гарантиях безопасности перед лицом восточных соседей [2, с. 98].

Если эпоха «холодной войны» зафиксировала за Западной Германией статус европейской твердыни НАТО в глобальном противостоянии сверхдержав, то её окончание привело к фундаментальным переменам в положении ФРГ. Неожиданно обретенная в 1990 г. самостоятельность во внутренней и внешней политике изменила вес Германии среди союзников по НАТО. Статус

* Статья подготовлена при финансовой поддержке РНФ. Проект № 17-78-20170 «Типология современных военно-политических союзов и модели отношений России с союзниками».

форпоста альянса в Европе трансформировался в положение «первого среди равных» и посредника между Западом и осколками советского блока в странах ЦВЕ. Страх перед возрождением германской мощи, характерный для второй половины XX века, сменился надеждами на ответственное лидерство ФРГ.

Вместе с тем объединение Германии не привело к выводу с её территории американского военного контингента. ФРГ осталась местом размещения ядерного оружия США. Германское руководство обсуждало необходимость существования американских военных баз на территории ФРГ с союзниками в Вашингтоне, однако избегало переводить диалог по этому вопросу в конфликтную плоскость. В результате оккупационный контингент трансформировался в союзные армии, расположение которых на территории Германии определялось не ситуацией военного поражения, а содержанием союзнической политики.

Феномен американской оккупации ФРГ после 1990 г. задает набор вопросов для германской внешней политики на современном этапе. В какой мере военное присутствие США в Германии является частью союзнической стратегии в рамках НАТО, а в какой – продолжением политики “Germany down”, провозглашенной первым генеральным секретарем Альянса Гастингсом Исмеем? Имеет ли ФРГ реальную возможность поставить под вопрос нахождение на своей территории иностранных военнослужащих? В какой мере американские солдаты на территории Германии являются фактором давления Вашингтона на Берлин?

Фактор американского военного присутствия остается важным элементом дискуссии о реальной степени независимости внешней политики ФРГ. Исследователи в целом согласны с тем, что она находится под определяющим влиянием отношений с союзниками по Североатлантическому альянсу [18; 12]. Трансформация внешнеполитического положения ФРГ в 1990-х гг. характеризуется как новый «германский вопрос», вынуждающий немецкое руководство лавировать между возросшей экономической мощью и её осторожным проецированием через инструменты реальной политики [15, с. 19]. Выход из сложившейся «ненормальности» был найден во многом благодаря активности Германии в рамках союзных объединений и многосторонних форматов. Тем не менее немецкий истеблишмент испытывает затруднения в трансформации масштабов своей экономики в политическое влияние. Исследователи склонны рассуждать о германском «страхе перед силой» [19] и говорить о ФРГ как о «ведущей державе против своей воли» [12] или «гегемоне поневоле»¹.

Политика президента США Д. Трампа дала новые импульсы к обсуждению проблем безопасности и американского военного присутствия в Европе и Германии. В отличие от своих предшественников трамповская администрация видит в Германии не столько ключевого партнера в Европе, сколько образец несознательного союзника, спекулирующего дружескими заверениями, чтобы не платить по счетам. Американо-германские разногласия и международные кризисы ставят перед Берлином новые вопросы в рамках дискуссии о европейской и национальной безопасности [20, с. 8].

Именно Германия выступает за сохранение действующей архитектуры безопасности НАТО, изначально создававшейся для ограничения потенциальных внешнеполитических амбиций ФРГ. Предложения Трампа о переводе части американского контингента из Германии в Польшу или слухи о полном уходе армии США из ФРГ, возникшие благодаря импульсивности американского лидера, были встречены немецким руководством с озабоченностью. Реализация германских инициатив по созданию структур безопасности или союзов, рассматривающихся экспертами в качестве альтернативных НАТО, происходит с продолжительными задержками.

На протяжении более чем полувека ФРГ в целом устраивал статус «экономического гиганта и политического карлика», ставший возможным за счет американского военного присутствия и делегирования немецким руководством издержек политики безопасности Вашингтону [22, р. 406]. Изменения внутри США и новые вызовы миропорядку вынуждают Берлин к самостоятельным действиям, содержание которых остается для Германии дискуссионным. Использование многостороннего подхода является своего рода антитезой «национальному эгоизму» администрации Д.Трампа. Иностранное военное присутствие сформировало лакуны в стратегическом мышлении германских элит, образовавшиеся после 1945 г. и сохранившиеся после 1990 г. Неспособность ФРГ проводить активную внешнюю политику даже в благоприятствующих этому условиях позволяет сделать предположение о реализации феномена своего рода

¹ Камкин А. К. Германское лидерство в Европе — гегемония поневоле? // Российский совет по международным делам. — 2016. — 20 октября. — URL: <http://russiancouncil.ru/analytics-and-comments/analytics/germanskoie-liderstvo-v-evropegegemoniya-ponevole/>

«комфортной» оккупации, сопровождавшейся вынужденным продолжительным ограничением в политической самостоятельности.

ОККУПИРОВАННЫЙ СОЮЗНИК

«Час ноль» германской истории не снимал с немецкой элиты вопроса о формах существования новой Германии, несмотря на то что всей полнотой реальной власти обладали внешние игроки. Дискуссии союзников по антигитлеровской коалиции относительно будущего Германии и разворачивающаяся «холодная война» оставляли возможность игры на противоречиях между великими державами.

В условиях начала «холодной войны» ключевым вопросом для немецкого руководства оставалось обеспечение безопасности ФРГ. Территория Германии, расположенная на переднем краю противостояния двух сверхдержав, рассматривалась в Москве и Вашингтоне как один из основных потенциальных театров военных действий. Такая фундаментальная уязвимость требовала от немецкого руководства предельно внимательного отношения к собственной безопасности в условиях ограниченного суверенитета.

Дискуссия о безопасности Германии началась сразу после капитуляции Третьего рейха и достигла своего пика во время канцлерства Конрада Аденауэра. В конце 1940-х — начале 1950-х гг. имел место интенсивный процесс формирования послевоенного германского государства, заложенные в его основу принципы и параметры должны были обрести долгосрочный характер. Немецким политикам предстояло, среди прочего, ответить на вопрос: как в условиях ограниченной самостоятельности и раскола Германии, а также уязвимого геополитического положения и присутствия оккупационных войск, обеспечить безопасность зарождающейся Боннской республики?

В первые послевоенные годы сложилось два магистральных направления в понимании политики безопасности германского государства.

Первое предполагало создание нейтральной единой Германии, ориентированной на равновесные отношения с США и СССР. Сторонники данного проекта, в первую очередь лидер СДПГ Курт Шумахер и председатель берлинского отделения ХДС Якоб Кайзер, исходили из приоритета решения основного внутривосточного вопроса — восстановления единой германской государственности. Перспективный нейтральный статус Германии был увязан с идеей «моста» между Востоком и Западом, задача которого заключалась в нормализации отношений между двумя мировыми полюсами силы и одновременном обеспечении немцам гарантии безопасности.

Несмотря на логичные элементы континуитета германской истории, в чем-то восходящие еще ко временам Священной Римской империи германской нации, идея нейтральной единой Германии выглядела в условиях второй половины 1940-х гг. утопично и архаично. Сторонники концепции нейтралитета преувеличивали степень самостоятельности оккупированной Германии, идеализировали волю держав-победительниц и недооценивали масштабы и остроту «холодной войны» [4, с. 173–174]. В представлении бывших союзников по антигитлеровской коалиции нейтральный статус германского государства выглядел сомнительным в стратегическом отношении и не закрывал опасений вокруг очередного потенциального всплеска немецкого реваншизма по образцу межвоенного периода 1918–1939 гг.

Большой прагматизм проявляли сторонники форсированной интеграции Германии в Западное сообщество, объединившиеся вокруг лидера ХДС и первого канцлера Конрада Аденауэра. Отрицая идею германского «особого пути» (Sonderweg), они видели оптимальную стратегию обеспечения безопасности Германии в неограниченной солидарности со странами Западной Европы и США. Скептически оценивая возможности ослабленной и разделенной Германии быть балансиром и самостоятельным игроком в противостоянии двух сверхдержав, Аденауэр предпочел сделать ставку на присоединение к Западному блоку.

Противоречивость действий Аденауэра определялась ситуацией выбора между приоритетами внутри- и внешнеполитической проблематики, конкретно: между цементированием раскола Германии и обретением её западными землями относительной самостоятельности и гарантий безопасности со стороны США. Несмотря на ограниченность внешнеполитической инициативы и инструментария, первый канцлер предпочел сделать ставку на приоритет интеграции в западную систему союзов перед достижением единства страны, перспективы которого были

туманными. Очевидные репутационные издержки такого решения осознавались «канцлером союзников» и служили дополнительным аргументом на переговорах с американцами, позволившим расширить границы самостоятельности нового германского государства.

Начавшаяся в 1950 г. война в Корее активизировала германскую дискуссию о безопасности. Параллели в стратегической конфигурации двух разделенных государств в разных частях света вызывали серьезную обеспокоенность Бонна. Анализируя корейский опыт, западногерманское руководство убеждалось, что реальные гарантии безопасности могли быть обеспечены только через постоянное присутствие на территории страны американского военного контингента, который одновременно подтверждал эти гарантии самим фактом своего существования и выполнял функции вооруженной защиты ФРГ. Возможное ослабление или ликвидация американского присутствия рассматривались как фундаментальная угроза безопасности [11, с. 247–248].

После отказа французского парламента ратифицировать проект ЕОС вступление Западной Германии в евроатлантические военные структуры как последовательный шаг в обеспечении территориальной безопасности страны стало фактически безальтернативным. Благодаря дипломатическому таланту Аденауэра присоединение ФРГ к НАТО в 1955 г. сопровождалось вопреки противодействию союзников расширением политической самостоятельности Германии [14]. По словам министра обороны ФРГ в 1956–1962 гг. Франца-Йозефа Штрауса: «Солдаты союзных армий, которые до сих пор в качестве оккупационной силы осуществляли контроль над Германией, превратились теперь в союзников и даже в известной мере в заложников, гарантирующих безопасность Германии» [11, с. 257]. Вступление ФРГ в НАТО сопровождалось юридическим упразднением оккупационного режима союзников, что создавало ощущение «второго рождения» Германии после 1949 г. теперь уже как полноправного члена Западного сообщества.

Важным обстоятельством было и то, что спустя 10 лет после разгрома во Второй мировой войне ФРГ получила возможность восстановить свой военный потенциал. Глубокая интегрированность новой германской армии в структуры НАТО и их тесная взаимосвязь с американским военным контингентом, дислоцированным на территории Западной Германии, оказывали успокаивающее воздействие на европейских союзников и общественное мнение в самой ФРГ. Западногерманское руководство получало инструмент силовой политики, ответственность за который фактически несли США.

Между тем «фронтное» положение ФРГ оставалось угрозой ее безопасности. Хельсинкские соглашения 1975 г. зафиксировали послевоенные границы в Европе и германский раскол. Германия оставалась одним из наиболее вероятных мест столкновения военно-политических блоков в случае потенциального вооруженного конфликта между ними. Обострение «холодной войны» в первой половине 1980-х гг., сопровождавшееся размещением американских ракет «Першинг-2» на территории ФРГ, ставило Бонн в уязвимое положение и вызвало подъем антивоенного движения в стране. Протесты против размещения ракетного вооружения средней дальности в Германии стали значимой частью общественной дискуссии ФРГ, дав импульс формированию новых политических сил, ориентированных на радикальный пацифизм.

Тем не менее вплоть до рубежа 1980–1990-х гг. вопросы безопасности ФРГ оставались тесно связанными с политикой Бонна в НАТО и отношениями с союзниками по альянсу. Биполярная система международных отношений и «холодная война» оставляли немецкому руководству сравнительно мало пространства для маневра. Американский военный контингент, будучи гарантом безопасности германского союзника, одновременно оставался источником угроз этой безопасности.

ГИБКАЯ ОККУПАЦИЯ

После объединения Германии в 1990 г. и завершения «холодной войны» дискуссия о безопасности ФРГ получила новое звучание. Вместе с изменением характера внешних угроз менялись и возможности для реагирования на них. Договор 2+4 возвращал Германии самостоятельность во внешних и внутренних делах, фактически снимая все ограничения со стороны бывших держав-победительниц. Между тем присутствие американских вооруженных сил на территории Германии сохранилось и после объединения страны. После завершения вывода советских (с 1992 г. – российских) войск с территории бывшей ГДР в 1994 г. контингент армии США стал крупнейшей иностранной группой войск в Германии. Численность американских военнотру-

жащих в ходе серии сокращений в 1990–2000-е гг. уменьшилась до 60 тыс. человек, однако Германия по-прежнему оставалась основным местом размещения армии США в Европе.

Несмотря на сохранение американского военного присутствия, после 1990 г. вновь активизировались опасения германских соседей и союзников, связанные с возросшей мощью ФРГ. Эксперты рассматривали Германию как основного претендента на свободное геополитическое пространство, образовавшееся после распада ОВД, СЭВ и СССР. Территория Западной и Восточной Европы представлялась буквально обреченной на германскую гегемонию [16].

Однако прогнозы о скором возвращении германского политического доминирования не оправдались. Что неудивительно – Европа ориентировалась на США. Как и в первые годы существования ФРГ, немецкий истеблишмент продолжал действовать с опорой на структуры западного сообщества. Как отмечал в начале 1990-х гг. Гельмут Шмидт: «Для объединенной Германии нет более серьезной внешнеполитической задачи, чем устранение прежнего недоверия к ней. В этом смысле нет ничего важнее прочного включения нашего государства в европейскую систему договоров и принятия и одобрения этого включения всей нацией» [9, с. 221].

Вопреки опасениям скептиков Германия начала расширение внешнеполитической активности при тесном взаимодействии с НАТО и США, опираясь на принципы евроатлантической солидарности и собственный экономический потенциал. ФРГ вновь с готовностью взяла на себя роль форпоста Запада, вернув себе посреднические функции «моста», о которых многие немецкие политики говорили сразу после окончания Второй мировой войны. Берлин последовательно поддерживал стремление стран Центральной и Восточной Европы к европейской и евроатлантической интеграции и – до известной степени – выступал медиатором между ними и США. Немецкие политики с готовностью взяли на себя роль соархитекторов системы европейской безопасности на новых восточных рубежах, поддерживая политику расширения Североатлантического альянса. Экономические интересы синхронизировались с интересами безопасности: «тыловое» положение ФРГ в географии НАТО, оформившееся после вступления в Альянс Польши и Чешской республики, высвобождало ресурсы для расширения германской активности с европейского на глобальный уровень.

Союзнические обязательства стали для ФРГ причиной и импульсом к расширению участия германских вооруженных сил в операциях за пределами Германии и Европы. Евроатлантические ценности корректировали устоявшиеся пацифистские настроения немецкой элиты в сторону активизации военного потенциала. Даже партия «Зеленые», чья критика милитаризма в любых формах была одной из основ её идеологического багажа, была вынуждена со временем одобрить зарубежные миссии бундесвера как способствующие защите демократии и прав человека.

Действуя как добросовестный член Североатлантического альянса, ФРГ одновременно решала задачи по собственному внешнеполитическому позиционированию. Репутационно опасное появление немецких солдат за пределами германских границ нивелировалось многосторонним форматом военных операций. Бундесвер в глазах наблюдателей избежал нежелательных параллелей с гитлеровским вермахтом, став, напротив, показателем широкого консенсуса западных стран вокруг необходимости использования вооруженных сил для решения международных проблем.

Берлин полностью поддержал объявленную США после событий 11 сентября 2001 г. войну с международным терроризмом [10, с. 170–172]. Блоковая союзническая солидарность подкреплялась заявлением министра обороны Германии Петера Штрука о необходимости обеспечивать безопасность ФРГ, в том числе и в горах Гиндукуша. Германское участие в военной кампании в Афганистане реализовывалось сначала на базе широкой антитеррористической коалиции, а с 2003 г. в рамках Международных сил содействия безопасности под руководством НАТО. Солдаты и офицеры бундесвера получили качественно иной опыт взаимодействия с военнослужащими – союзниками по альянсу в наземных операциях.

На протяжении переходного периода 1990-х и начала 2000-х гг. попытки «нормализации» внешней политики ФРГ за счет активных действий в глобальном масштабе не входили в противоречие с принципами союзнической солидарности НАТО. Начало американской кампании в Афганистане в 2001 г. легитимировало иностранное военное присутствие в ФРГ как соответствующее целям и задачам антитеррористической операции США и их союзников с точки зрения безопасности и логистики. Рамки внешнеполитического участия Берлина имели объективные ограничения, однако по сравнению с периодом 1949–1990 гг. немецкие руководители обладали достаточными возможностями для реализации своей политики в новом качестве.

Дальнейший рост уверенности немецкого руководства в своих позициях внутри НАТО сделал возможным инициативные начинания и предложения ФРГ по реформированию Североатлантического альянса после окончания «холодной войны». Именно Германия во время канцлерства Герхарда Шрёдера последовательно выступала за усиление политических функций альянса и повышение роли европейских государств внутри него². В своей речи на 41-й Мюнхенской конференции по безопасности министр обороны ФРГ Петер Штрук озвучил концепцию Шрёдера по реформированию альянса, подразумевавшую превращение НАТО из военно-политической в политико-военную структуру, движение к равноправию в отношениях ЕС и НАТО и максимальное сокращение военного присутствия США в Европе [8, с. 149]. По данным опросов, значительное число немцев к началу 2000-х гг. не могло сформулировать цели и задачи НАТО после окончания «холодной войны», и реформа организации могла помочь обрести ей новые смыслы [21, р. 168].

Полемика вокруг войны в Ираке 2003 г. обозначила первую значимую попытку Берлина нарушить принцип безоговорочной союзнической солидарности с США. Интенсивные трехсторонние консультации Герхарда Шрёдера, Жака Ширака и Владимира Путина по иракской проблеме на короткое время создали иллюзорное ощущение резкого «европейского поворота» германской внешней политики и союзнического демарша внутри

НАТО. Однако немецкая фронда оказалась краткосрочной и не имела серьезных последствий как для НАТО, так и для американо-германских отношений [7, с. 123–124]. Столкнувшись с негативной реакцией со стороны Вашингтона, правительство Шрёдера предпочло быстро вернуться к традиционной союзнической риторике.

Издержки конфликта Шрёдера с Вашингтоном и особенности внешнеполитических взглядов Ангелы Меркель привели к усилению евроатлантической компоненты германской дипломатии в 2005–2016 гг. [6, с. 55]. Желая дистанцироваться от действий своего предшественника, Меркель стремилась укрепить американо-германские отношения и принципы внутрисоюзнической солидарности. Ключевые руководящие документы ФРГ в области безопасности однозначно определяли приверженность Берлина политике НАТО, ставя её в один ряд с целями и задачами ООН и ЕС [3]. Аналогичные тезисы фиксировались и на уровне коалиционных договоров всех четырех кабинетов Меркель.

Тем не менее ориентация на укрепление трансатлантических связей сопровождалась продолжением ситуативного возникновения противоречий с США. Так, в 2011 г. ФРГ отчасти повторила иракский прецедент, став единственным государством – членом НАТО, воздержавшимся при голосовании в ООН за резолюцию 1973 г., устанавливающей над территорией Ливии бесполетную зону и открывающую возможность для ударов с воздуха по военнослужащим правительственных войск. На Бухарестском саммите НАТО в 2008 г. Берлин выступил против предоставления Грузии и Украины Плана действий по членству в НАТО, вступив в противоречие с позицией Вашингтона.

Однако в целом продолжающийся успешный рост германской экономики в 2000-е гг. и активность внешней политики ФРГ не входили в противоречие с политикой государств НАТО. Нацеленность немецкого руководства на сохранение и развитие высокого уровня отношений с США позволила минимизировать негативные последствия шпионского скандала 2013 г., связанного с прослушкой американскими спецслужбами телефонов высокопоставленных политиков ФРГ, в том числе канцлера Ангелы Меркель. С началом политического кризиса на Украине в 2014 г. ФРГ активно поддерживала комплекс мероприятий НАТО, направленных на усиление коллективной безопасности членов альянса в Европе [5, с. 144; 13, р. 33]. Военнослужащие бундсвера составили основу батальона передового развертывания в Литве, находящегося под немецким командованием. Территория ФРГ стала основной логистической платформой переброски американских войск на европейский континент. На переговорах в Минске во время острой стадии войны в Донбассе Ангела Меркель фактически единолично представляла интересы Западного сообщества, отодвинув на задний план недостаточно авторитетного французского президента Франсуа Олланда.

Утрата ФРГ своего «фронтового» положения в альянсе в значительной степени обесмысливала присутствие там крупнейшего в Европе американского военного контингента. Его постепенное сокращение указывало на возможность пересмотра в перспективе принципов размещения армии США в ФРГ – при том что у Берлина отсутствовала четкая позиция по данной

² Schröder G. Die Rede von Gerhard Schröder im Wortlaut. – URL: <http://www.handelsblatt.com/politik/international/dokumentation-die-rede-von-gerhard-schroeder-im-wortlaut/2473842.html>

проблеме. Радикальные предложения Герхарда Шрёдера и ряда его сторонников по обновлению альянса и усилению в нем роли ФРГ были восприняты немецким политическим и экспертным сообществом как возвращение к сомнительной политике «особого пути» и не получили развития после развала «красно-зеленой» коалиции.

Одной из немногих сфер внешней политики ФРГ, где Берлин стремился сохранить самостоятельный характер действий, стали российско-германские отношения. Берлин заслужил репутацию «адвоката Москвы» не только в силу интенсификации российско-немецких экономических связей в 1990-е и 2000-е гг., но и по причине компромиссной позиции в отношении России в рамках многосторонних форматов. Если для Герхарда Шрёдера конструктивные отношения с Российской Федерацией являлись продолжением «новой восточной политики» СДПГ, являвшейся важной частью партийной самоидентификации, то для Ангелы Меркель ключевое значение имел прагматичный подход в экономике и европейской безопасности. «Иракская фронда» 2003 г., несмотря на фактический провал, дала Берлину опыт внешнеполитического лавирования, который, впрочем, оказался по большей части невостребованным немецким истеблишментом.

Украинский кризис и антироссийские санкции, инициированные США, впервые поставили Берлин перед необходимостью принимать решения под угрозой репутационных и экономических потерь. Присоединение Германии к санкциям против России вызвало широкую дискуссию о необходимости данного шага и его последствиях для германской экономики. Несмотря на критику со стороны оппозиции и представителей бизнес-кругов, правительство Меркель предпочло полностью солидаризоваться с позицией Вашингтона. Многочисленные потери немецких предпринимателей не стали достаточным аргументом для нарушения принципов союзничества.

Период 2005–2016 гг. продолжил тенденции прошлого десятилетия, когда ФРГ реализовывала свою внешнюю политику в рамках многосторонних структур и союзов. Определяющее американское влияние на немецкую дипломатию не входило в противоречие с германским внешнеполитическим курсом, ориентированным на укрепление евроатлантических связей. Кризисные явления – голосование по Ливии в ООН, скандал с прослушкой немецких политиков спецслужбами США, антироссийские санкции – неизменно разрешались через односторонние уступки Вашингтону.

МЕНТАЛЬНАЯ ЛОВУШКА БЕРЛИНА

Внешне стабильная и благополучная картина участия Германии в Евроатлантическом сообществе была нарушена президентом Д. Трампом, стремившимся подвергнуть ревизии принципы внешней политики США [1]. Новые критерии союзничества оставляли на периферии ценностную риторику и приобретали черты прагматичного коммерческого подхода. Германия, наряду с Китаем, стала одним из основных объектов внешнеполитической критики нового американского президента. С точки зрения Трампа, Берлин злоупотреблял доверием США для собственной финансовой выгоды, заключал за спиной у Вашингтона сделки с американскими соперниками и уклонялся от справедливого вклада в безопасность членов НАТО. Попытки Ангелы Меркель наладить диалог с новой американской администрацией не привели к положительным результатам.

Эрозия американо-германских отношений, эпицентр которой находился в Вашингтоне, обозначила фундаментальный вызов для внешнеполитической стратегии ФРГ, ориентированной на мультилатерализм и тесное взаимодействие с заокеанским союзником. Ценности трансатлантического единства подверглись критике со стороны своего «ядра» в отсутствие прямой военной угрозы для Североатлантического альянса.

Реакция немецкого руководства на недружественные действия Трампа показала идейный кризис сложившейся в послевоенное время и модернизированной после 1990 г. германской внешнеполитической стратегии. Показательны действия назначенного в начале 2017 г. главы МИД ФРГ Хайко Мааса, выступавшего с подчеркнуто трансатлантическими позициями, несмотря на членство в СДПГ. Пытаясь наладить американо-германские отношения за счет обращения к «политике ценностей», Маас провалил переговоры с госсекретарем Майком Помпео и советником президента США по национальной безопасности Джоном Болтоном. В резонансной статье в газете «Хандельсблат» он был вынужден

признать, что США и Европа отдалились друг о друга и общность ценностей между ними размывается³.

Непредсказуемые действия США все чаще ставят Вашингтон в риторике немецких политиков в один ряд с такими источниками угроз, как Россия и Китай. Более того, опрос, проведенный накануне Мюнхенской конференции по безопасности в 2019 г., показал, что почти половина опрошенных граждан ФРГ считают, что США представляют собой источник угрозы для Германии, тогда как применительно к России и Китаю такого мнения придерживались только 30 % и 33 %, соответственно [17, р. 7]. Годом ранее в Мюнхене о новой «триаде» угроз для Европы говорил глава МИД ФРГ Зигмар Габриэль: «Никто не должен позволять себе раскалывать ЕС: ни Россия, ни Китай, ни даже США. Европа – уверенный партнер, который хочет сотрудничать с США на основе доверия и равноправия, а не в качестве последователя»⁴.

Осознание невозможности сохранения трансатлантических отношений в прежнем виде, тем не менее, не сформировало у германской элиты понимания того, как они будут трансформироваться и какая роль в этом процессе будет у ФРГ. В ответ на новую, «эгоистичную», политику Вашингтона Берлин выступил за сохранение status quo, сделав ставку на поддержку многосторонних форматов и ценностного подхода в международных отношениях. Попытка переговоров с Канадой, Японией и Южной Кореей о создании каркаса нового союза на основе мультилатерализма ограничилась обменом мнениями между дипломатами и не привела к формированию устойчивой диалоговой площадки. Реформа ЕС, инициированная франко-германским тандемом с целью превращения Европейского союза в самостоятельного внешнеполитического игрока с собственными инструментами проецирования силы, тормозится внутривнутриполитическими разногласиями во Франции и ФРГ.

Важно отметить, что на протяжении последних 70 лет ФРГ последовательно расширяла сферу своей самостоятельности в международных отношениях. За обретением государственности в 1949 г. последовало воссоздание вооруженных сил (1955 г.), вступление в ООН (1973 г.), объединение страны (1990 г.) и возможность проецировать военную силу за пределы государственных границ (1994 г.). В большинстве случаев расширение самостоятельности германского государства происходило при доминирующей роли внешних сил – бывших участников антигитлеровской коалиции. Однако в каждом случае немецкое руководство деятельно поддерживало данный процесс, стремясь расширить и закрепить его результаты.

Кризисные явления в трансатлантических отношениях, начавшиеся с изменений внешнеполитических установок администрации Д. Трампа, тем не менее не привели ФРГ к пересмотру фактора американского военного присутствия на территории Германии. Дискуссия по данному вопросу ведется на периферии немецкой политики. Более того, появление противоречивой и неподтвержденной информации о намерении американской администрации перевести свой расквартированный в ФРГ контингент в Польшу вызвало нервную реакцию германских СМИ и политиков.

Поиск опоры в многосторонних форматах подтверждает ограниченные способности Германии и ее руководителей действовать в качестве полноценного субъекта международных отношений на современном этапе. Эти ограничения формируются не столько угрозами экономического или политического давления США на ФРГ и строгим соблюдением принципов союзнической солидарности, сколько инерционным мышлением германских элит, абсолютизирующим значение констант евроатлантической безопасности. Таковой, в частности, для немецкого истеблишмента остается доминирующая роль США в Европе и мире как ведущей экономической, политической, военной и идеологической силы, а также гарантии безопасности Вашингтона своим европейским союзникам.

Присутствие американского военного контингента в ФРГ остается последним элементом ограничения государственной самостоятельности Германии, сохранившимся с незначительными изменениями с 1949 г. Выполняя функцию сдерживания на европейском континенте СССР в годы «холодной войны», а также ограничивая потенциальный реваншизм в ФРГ, американские войска в Германии после ее объединения рассматривались как элемент союзнической стратегии НАТО. Превращение Германии в «тыловое» государство альянса привело к рез-

³ *Maas H.* Wir lassen nicht zu, dass die USA über unsere Köpfe hinweg handeln // Handelsblatt. – 21. August 2018. – URL: <https://www.handelsblatt.com/meinung/gastbeitraege/gastkommentar-wir-lassen-nicht-zu-dass-die-usa-ueber-unsere-koepfe-hinweg-handeln/22933006.html>

⁴ *Gabriel S.* Rede von Außenminister Sigmar Gabriel bei der Münchner Sicherheitskonferenz // Auswärtiges Amt. – 17. Februar 2018. – URL: <https://www.auswaertiges-amt.de/de/newsroom/rede-muenchner-sicherheitskonferenz/1599848>

кому снижению значимости вопросов территориальной безопасности и обороны для Берлина, что, однако, не привело к демилитаризации территории ФРГ.

Изменение внешнеполитической стратегии Германии, необходимость которой обсуждается немецкими элитами, на современном этапе возможна только через пересмотр политики в сфере безопасности. Развитие инициативы PESCO (Постоянное структурированное сотрудничество по вопросам безопасности и обороны, англ. Permanent Structured Cooperation) как каркаса общеевропейской армии в перспективе поставит вопрос о взаимодействии армии ЕС с НАТО и вооруженными силами США. Обеспечив для себя репутационно приемлемый инструмент проецирования силы в соответствии с целями и задачами своей внешней политики, ФРГ завершит восстановление своей внешнеполитической самостоятельности после Второй мировой войны.

ЛИТЕРАТУРА

1. Безруков А. О., Сушенцов А. А. Феномен Д. Трампа и сценарии развития российско-американских отношений // Сравнительная политика. – 2018. – Т. 9. – № 1. – С. 109–123. – DOI: <https://doi.org/10.24411/2221-3279-2018-00009>
2. Истомин И. А. Современная западная теория военно-политических альянсов. Достижения и лакуны // Международные процессы. – 2017. – Т. 15. – № 4 (51). – С. 93–114. – DOI: [10.20542/0131-2227-2019-63-1-34-48](https://doi.org/10.20542/0131-2227-2019-63-1-34-48)
3. Коновалова М. А. Трансформация национальных интересов Германии на рубеже XX–XXI вв. (по результатам анализа доктринальных документов Германии в области безопасности и обороны) // Вестник МГЛУ. – 2012. – Вып. 25. – С. 88–103.
4. Линк В. Германия – как европейская держава // Объединенная Германия: десять лет. – М.: ИНИОН РАН, 2001. – С. 169–187.
5. Меден Н. К. О некоторых тенденциях в оборонной политике Германии // Вестник МГИМО Университета. – 2015. – № 2. – С. 143–151.
6. Павлов Н. В. Внешняя политика канцлера А. Меркель (2005–2017). – М.: МГИМО-Университет, 2018.
7. Рар А. Россия – Запад. Кто кого? – М.: Изд-во «Э», 2016. – 302 с.
8. Трунов Ф. О. Германия и НАТО // Свободная мысль. – 2018. – № 2. – С. 145–158.
9. Шмидт Г. На благо Германии. – М.: Международные отношения, 1995. – 287 с.
10. Шрёдер Г. Решения. Моя жизнь в политике. – М.: Европа, 2007. – 552 с.
11. Штраус Ф.-Й. Воспоминания. – М.: Международные отношения, 1991. – 560 с.
12. Bierling S. Vormacht wider Willen. Deutsche Außenpolitik von der Wiedervereinigung bis zur Gegenwart. – Bonn: C. H. Beck, 2014. – 304 s.
13. Kaim M. Germany: A Lynchpin Ally? // Global Allies. Comparing US Alliances in the 21st Century. Ed. by M. Wesley. – Canberra: ANU E Press, 2017. – P. 31–44.
14. Kaplan L. NATO and Adenauer's Germany: Uneasy Partnership // International Organization – 1961. – Vol. 15. – No. 4. – P. 618–629.
15. Markovits A., Reich S. Das deutsche Dilemma. Die Berliner Republik zwischen Macht und Machtverzicht. – Berlin: Alexander Fest Verlag, 1998. – 365 s.
16. Mearsheimer J. Back to the Future: Instability in Europe after the Cold War // International security. – 1990. – Vol. 15. – No. 1. – P. 5–56. – DOI: [10.2307/2538981](https://doi.org/10.2307/2538981)
17. Munich Security Report 2019. The Great Puzzle: Who Will Pick Up the Pieces? – München: Münchner Sicherheitskonferenz, 2019. – 101 p.
18. Schäble W. Die deutsche und europäische Sicherheitspolitik vor neuen Herausforderungen // Zeitschrift für Staats- und Europawissenschaften. – 2004. – Vol. 2. – No. 2. S. 165–172. – DOI: <https://doi.org/10.1515/zfse.2.2.165>
19. Schöllgen G. Angst vor der Macht. Die Deutschen und ihre Aussenpolitik. – Berlin: Ullstein, 1993. – 188 s.
20. Steinmeier F.-W. Flugschreiber. Notizen aus der Außenpolitik in Krisenzeiten. – Berlin: Ullstein, 2018. – 240 s.
21. Varwick J. NATO in (Un-)Ordnung. Wie transatlantische Sicherheit neu verhandelt wird. – Bonn: Wochenshauverlag, 2017. – 224 s.
22. Wohlforth W., Zubok V. An abiding antagonism: realism, idealism and the mirage of western–Russian partnership after the Cold War // International Politics. – 2017. – Vol. 54. – Issue 4. – P. 405–419. – DOI: [10.1057/s41311-017-0046-8](https://doi.org/10.1057/s41311-017-0046-8)

ARTEM SOKOLOV

SECURITY OF GERMANY AND US MILITARY PRESENCE: A "COMFORTABLE" OCCUPATION OR AN ALLIED SOLIDARITY?

Artem P. Sokolov, PhD (History),
Research Fellow, Centre for European Studies,
Institute for International Studies, MGIMO-University;
Research Fellow, Laboratory for International
Trends Analysis, MGIMO-University;
E-mail: asokolov@foreignpolicy.ru

Acknowledgements. This research is supported by the Russian Science Foundation. Project no. 17-78-20170.

Summary. The article is devoted to the influence of the American military presence in Germany on the foreign policy strategy of the German leadership in the matter of ensuring the security of Germany. The location of the US Army in a number of German lands has remained a significant factor in German foreign policy since the founding of the Federal Republic of Germany in 1949. After the reunification of Germany in 1990, the German government expanded its foreign policy activity based on the system of Western alliances and a multilateral approach. The crisis in the Western community, exacerbated by the actions of the administration of the Donald Trump, raised among the German elites concerns regarding the reliability and predictability of the overseas ally. Despite the declarative statements of German officials about the intention to strengthen the defense potential of the EU, German politicians face difficulties in finding alternatives to US security guarantees.

Keywords. Germany, USA, NATO, security, Bundeswehr.

REFERENCES

- Bezrukov A.O., Sushentsov A.A. Fenomen D. Trampa i scenarii razvitiya rossijsko-amerikanskih otnoshenij [The Phenomenon of Donald Trump and Scenarios of US-Russian Relations]. *Comparative Politics. Russia*. 2018. No. 1. P. 109–123. – DOI: <https://doi.org/10.24411/2221-3279-2018-00009>
- Bierling S. *Vormacht wider Willen. Deutsche Außenpolitik von der Wiedervereinigung bis zur Gegenwart*. – Bonn: C.H. Beck, 2014. 304 s.
- Istomin I. Sovremennaya zapadnaya teoriya voenno-politicheskikh al'yansov. Dostizheniya i lakuny. [Western Theory of International Military Alliances. The State of the Discipline]. *International Trends*. 2017. No. 51. P. 93–114. – DOI: 10.20542/0131-2227-2019-63-1-34-48
- Kaim M. Germany: A Lynchpin Ally? *Global Allies. Comparing US Alliances in the 21st Century*. Ed. by M. Wesley. – Canberra: ANU E Press, 2017. P. 31–44.
- Kaplan L. NATO and Adenauer's Germany: Uneasy Partnership. *International Organization*. 1961. Vol. 15. No. 4. P. 618–629.
- Konovalova M.A. Transformaciya nacional'nyh interesov Germanii na rubezhe XX-XXI vv. (po rezul'tatam analiza doktrinal'nyh dokumentov Germanii v oblasti bezopasnosti i oborony) [The Transformation of the National Interests of Germany at the Turn of the XX–XXI Centuries (Based on the Analysis of German Doctrinal Documents in the Field of Security and Defense)]. *Vestnik MGLU*. 2012. No. 25. P. 88–103.
- Link V. Germaniya – kak evropejskaya derzhava [Germany as European Power]. *Ob"edinennaya Germaniya: desyat' let. [United Germany: Ten Years]*. – Moscow: INION RAN, 2001. P. 169–187.
- Markovits A., Reich S. *Das deutsche Dilemma. Die Berliner Republik zwischen Macht und Machtverzicht*. Berlin: Alexander Fest Verlag, 1998. 365 s.
- Mearsheimer J. Back to the Future: Instability in Europe after the Cold War. *International Security*. 1990. Vol. 15. No. 1. P. 5–56. – DOI: 10.2307/2538981

- Meden N. K. O nekotoryh tendenciayah v oboronnoj politike Germanii [On some tendencies in defense policy of Germany]. *Vestnik MGIMO University*. 2015. No. 2. P. 143–151.
- Munich Security Report 2019. The Great Puzzle: Who Will Pick Up the Pieces?* – München: Münchner Sicherheitskonferenz, 2019. 101 p.
- Pavlov N. V. *Vneshnyaya politika kanclera A. Merkel' (2005–2017)* [Foreign Policy of Angela Merkel (2005–2017)]. – Moscow: MGIMO University, 2018.
- Rar A. *Rossiya – Zapad. Kto kogo?* [Russia – West. Who is the Winner? In Russ]. – Moscow: Izdatel'stvo "EH", 2016. 302 p.
- Schäuble W. Die deutsche und europäische Sicherheitspolitik vor neuen Herausforderungen. *Zeitschrift für Staats- und Europawissenschaften*. 2004. Vol. 2. No. 2. S. 165–172. DOI: <https://doi.org/10.1515/zfse.2.2.165>
- Schöllgen G. *Angst vor der Macht. Die Deutschen und ihre Aussenpolitik*. – Berlin: Ullstein, 1993. 188 s.
- Schröder G. *Resheniya. Moya zhizn' v politike* [Solutions. My Life in Politics; In Russ]. – Moscow: Izdatel'stvo "Evropa", 2007. 552 p.
- Shmidt G. *Na blago Germanii* [For the Good of Germany; In Russ]. – Moscow: Mezhdunarodnye otnosheniya, 1995. 287 p.
- Steinmeier F.-W. *Flugschreiber. Notizen aus der Außenpolitik in Krisenzeiten*. – Berlin: Ullstein, 2018. 240 s.
- Strauss F.-J. *Vospominaniya* [Memories; In Russ]. – Moscow: Mezhdunarodnye otnosheniya, 1991. 560 p.
- Trunov F.O. Germaniya i NATO [Germany and NATO]. *Svobodnaya mysl'*. 2018. No. 2. P. 145–158.
- Varwick J. *NATO in (Un-)Ordnung. Wie transatlantische Sicherheit neu verhandelt wird*. – Bonn: Wochenshauverlag, 2017. 224 s.
- Wohlforth W., Zubok V. An Abiding Antagonism: Realism, Idealism and the Mirage of Western–Russian Partnership after the Cold War. *International Politics*. 2017. Vol. 54. Issue 4. P. 405–419. – DOI: 10.1057/s41311-017-0046-8